

УДК 82-312.6 + 008 : 316.77

«РУССКИЕ» ЭПИЗОДЫ В БИОГРАФИИ Я. РАЙНИСА

Е. В. Титова

Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

Данная статья посвящена актуальной теме межкультурной коммуникации и связанного с ней переосмысления культурного наследия советской эпохи. На примере биографических произведений Я. Калнина, Е. Парнова, Р. Добровенского и др. конкретизируется проблематика репрезентации Иного в культуре.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, национальная идентичность, биографический роман, образ иного.*

Тенденция к переосмыслению литературного опыта с точки зрения современной межкультурной коммуникации прослеживается в работах многих современных исследователей [3]. Особенно интересно в этой связи то, как история литературы одной страны переписывается в литературе другой. Ситуация столкновения «культуры метрополии» и «культуры периферии» в контексте истории СССР предполагала заведомую подчиненность республик центру. Проблемы национальной идентичности не обсуждались. Отношения «подкорректированной» русской культуры и культур малых народов находились в четкой иерархии, так что главный латышский поэт Райнис, к примеру, не мог претендовать ни на что кроме ярлыка «Пушкин латышского народа». В частности, С. Н. Филошкина в одной из своих статей констатирует: «Обострившийся в последние годы интерес к проблеме национальной идентичности, формирования национальных стереотипов и их отражения в литературе определил обращение исследователей к произведениям, ранее обойденным вниманием учёных, либо освещенным в критике крайне односторонне» [5, с. 89]. Произведения Райниса на протяжении всего советского периода русской литературы переводились на русский язык и в неполном, и в искаженном варианте [4], следовательно, необходимы современное исследование и интерпретация его произведений, а также критическое осмысление опыта русского восприятия главного латышского поэта.

Для понимания взаимоотношений культурных традиций очень важен опыт биографического описания: судьба представителя одной культуры получает описание в традициях культуры иной. При этом трансформация исходного материала может представляться просто потрясающей. Судьба Я. Райниса, официально признанного основоположника латышской поэзии, становится в русскоязычных текстах предметом разноплановых спекуляций, которые позволяют анализировать некоторые существенные механизмы культуры.

О Райнисе на русском языке написано сравнительно много художественных произведений. Они четко противопоставлены как

идеологизированные (Ян Калнинь, Ф. Рокпелнис и В. Крепс, повести Е. Парнова «Посевы бури», Б. Волкова «Зеленая власть весны») и «документальные» (Р. Добровенский, Ю. Малых). Продемонстрировать различие двух групп можно хотя бы на примере использования авторами хронологии: большинство советских интерпретаторов выбирают из биографии героя выгодное им время – буквально одно десятилетие из жизни Райниса (1890-е – 1905 гг.), когда поэт был особенно увлечен революционными идеями (это произведения Ф. Рокпелниса, В. Крепса «Райнис. Киносценарий», повести Е. Парнова «Посевы бури» и Б. Волкова «Зеленая власть весны»); современные же исследователи, минуя временные рамки, рассматривают биографию в целом (Р. Добровенский «Райнис и его братья: семь жизней одного поэта», повесть Ю. Малых «Сплетение судеб»).

Исключение составляет биографический роман Я. Калниня «Райнис» (1982). Он, казалось бы, охватывает всю биографию, но только под известным углом зрения – утверждение образа Райниса как революционного поэта. Соответственно, роман изобилует идеологическими искажениями, навязчивыми стереотипными сопоставлениями, излишним бытописанием.

Для примера приведем элемент историко-литературного анализа произведений Райниса, который позволяет себе биограф. В одном из эпизодов, процитировав строки из стихотворения «Размышления в ночь накануне нового века» Калнинь заключает: «Когда слобожанин (Райнис – Е. Т.) думал о старом и наступившем столетиях, ему виделась пролитая кровь рабочих» [2, с. 98]. Так в жанре биографического романа, казалось бы, тяготеющем к достоверности, происходит подмена внутреннего голоса героя мыслями, выгодными для интерпретатора. И именно в таком искаженном виде получает Райниса русский реципиент.

Вообще личность адаптатора очень важна в межкультурной коммуникации, порой от пристрастий конкретного человека, выполняющего просветительскую функцию, зависит тот образ *иного*, который сложится в умах его восприимчивиков. Часто интерпретаторы стараются не показать специфику нового явления, а всячески сравнить и сблизить это явление с уже известными фактами, тем самым как бы доказывая, что ничем новым и интересным предмет его рассказа не обладает. Так, в нашем примере прослеживается склонность Калниня к сопоставлению некоторых фактов биографии Райниса с известными сюжетами в истории русской литературы. Во-первых, это уже оговоренная ранее и самая частотная отсылка к А. С. Пушкину. Калнинь вкладывает в уста героя следующую реплику: «В Псковскую губернию сослали Пушкина. Две эпохи, два царя, но как всё похоже; так что Пушкина и меня сделали чуть ли не земляками» [2, с. 33]. Так, формула «Райнис – латышский Пушкин» получает дополнительное доказательство: «Райнис и Пушкин земляки». Во-вторых, нагнетание обстановки вокруг сотрудничества Райниса в изданиях Петериса Залите очень напоминает сюжет с «литературным рабством» Ф. М. Достоевского. В-третьих, драматический дебют Райниса в Латвии с комедией «Полуидеалист» обыгран в сюжете романа так же, как дебют Н. В. Гоголя с «Ревизором»: «Спектакль в самом деле был плохим. В двухнедельной постоянной спешке, не поняв ничего, да и не желая понять в содержании пьесы, Фридрих Подниек

(режиссер Нового латышского театра – Е. Т.) позаботился прежде всего о комических положениях» [2, с. 143]. Кроме того, Аспазия, супруга Райниса, в романе Калниня, когда она отправляется в ссылку вместе с Райнисом, сравнивается с женами русских декабристов. Механизм уподобления прослеживается и в прямых географических сопоставлениях: Вятка похожа на Елгаву, а Слободское – на Паневежис.

Идеологической модели противостоит концептуальная модель биографического романа Роальда Добровенского «Райнис и его братья: семь жизней одного поэта» (1997). Добровенский заявляет о соавторстве с героем: «Наш роман о Райнисе на две трети написан самим Райнисом. Всю жизнь он писал этот роман. Делал записи, наброски, выстраивал планы» [1, с. 126]. «Даренному коню в зубы не смотрят? Нет, мы-то будем заглядывать, так сказать, даренному факту и в лицо и за спину, будем ощупывать его недоверчиво, крутить так и эдак, – нам нельзя обмануться. Не хотелось бы: и при жизни, и после нее человек этот был так часто непонимаем или понимаем превратно, а там пошли натяжки, намеренные умолчания, наконец и прямые фальсификации, возводившиеся в канон и бывшие важной частью всеобщей фальсификации действительности, перемарывания и перетолкования истории... И поверяя сомнением всё без исключения, каждую строку, каждый факт, каждое свидетельство, зову и читателя: сомневайся! Не верь глазам своим, спорь со мной, с собой, с ним» [1, с. 90]. Так оговаривается в романе не просто установка на достоверность, но сама достоверность представлена высшей ценностью.

С точки зрения советского писателя недопустимо было подробно описывать (или знать вообще) Петербургский период жизни Райниса, годы учебы в Петербургском университете, хотя, казалось бы, вот точка реального соприкосновения двух культур. У советских биографов об этом написано мало: учился, получил степень кандидата юридических наук, встречался с В. И. Ульяновым. У Р. Добровенского находим причину этого умолчания: петербургский период, по собственному признанию Райниса, был временем глубокого падения. Молодой Плиекшан переживал кризис, серьезные проблемы с алкоголем, не раз был замечен в разного рода буйствах, чуть ли не исключен из университета. Так, в одном случае, биография оказывается односторонне-патетичной, в другом – факты представлены во всей их противоречивости.

К «русским» эпизодам биографии Райниса относятся 5 лет ссылки во Пскове и в Вятке. Это время вынужденного уединения на русской земле, несмотря на разного рода трудности, помогло раскрыться литературному таланту. Перед тем как Райниса отправили в ссылку в с. Слободское, там распространился слух, что в село едет страшный преступник, грабитель, рецидивист. Все жители его побаивались, но когда они увидели, какой это доброжелательный, скромный человек, то, конечно же, изменили своё мнение. Первыми к нему потянулись дети, в письмах к Аспазии он даже писал, что ему отбоя от детей нет. Был у него и фаворит – пятилетний мальчишка Валера, Валерьянка, как звал его Райнис, а тот его – Иван Христович (потому что не мог выговорить Христофорович). Там он завел знакомство со ссыльными революционерами – подпольно устраивались вечера, беседы, о которых

Райнис писал, что это были лучшие минуты его жизни – торжество дружбы, свободной мысли. Когда Райнис уезжал из Слободского, местные жители подарили ему на память самовар, который он хранил до конца жизни, он до сих пор стоит в музее Райниса на Рижском взморье.

Время ссылки противостоит годам студенчества как порядок хаосу: каждый день поэта был строго подчинен распорядку – он устанавливал размер работы, количество строк для перевода, он задался целью – перевести на родной язык лучшие произведения мировой литературы.

Россия для Райниса стала и сценой развития драм юности, и местом рождения поэзии (первый сборник «Далекие отзвуки синего вечера» написан в Слободском), и той необходимой дистанцией, с которой хорошо видна Родина, мир и свое место в нем.

Благодаря роману Добровенского, биография крупнейшего латышского поэта у нас есть. Роман «Райнис и его братья...» демонстрирует многосторонний взгляд на личность поэта, избегает всевозможных аксиом и, конечно, является весомой антигезой всем существующим односторонним идеологизированным трактовкам образа Райниса.

Таким образом, проблема репрезентации связана с осмыслением *иного*, если не подгонять чужую культуру под свою, не перекраивать ее по готовым лекалам, задача художественного представления будет исполнена. В противном случае будет только схема, замещающая репрезентацию.

Список литературы

1. Добровенский, Р. Райнис и его братья. Семь жизней одного поэта [Текст] / Р. Добровенский. – Рига : Kaņogs, 2000. – 671 с.
2. Калнинь Я. Райнис. Биографический роман [Текст] / Я. Калнинь ; пер. с латышского Д. Глезера). – М. : Советский писатель, 1982. – 448 с.
3. Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: Сборник научных трудов [Текст] ; ред. Л. И. Гришаева, Т. Г. Струкова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 330 с.
4. Титова, Е. В. Двойной контекст: Заглавия стихотворений Райниса и их трансформация в советских переводах [Текст] / Е. В. Титова // Слово : сб. научных трудов студентов и аспирантов. Вып. 9. – Тверь : ТвГУ, 2011. – С. 130–134.
5. Филошкина, С. Н. Образ «другого» и проблема национальной идентичности в книге М. Твена «Пешком по Европе» и повести Дж. К. Джерома «Трое на велосипедах» [Текст] / С. Н. Филошкина // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности : сб. научных трудов ; ред. Л. И. Гришаева, Т. Г. Струкова. – Воронеж : ВГУ, 2002. – С. 86–91.

RUSSIAN EPISODES IN THE RAINIS'S BIOGRAPHY

E. V. Titova

Tver State University

The department of history Russian literature

The article is devoted to the actual topic of intercultural communication and its associated rethinking of the cultural heritage of the Soviet era. On the example of biographical works of J. Kalnin', E. Parnov, R. Dobrovensky concretized problems of representation of the *other* in the culture.

Key words: *intercultural communication, national identity, biographical novel, the image of the other.*

Об авторах:

ТИТОВА Екатерина Владимировна – аспирантка кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), email: 015820@mail.ru